

УДК 304.2

**МОДУЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ И
ЦЕЛОСТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: К КРИТЕРИЯМ
ЭКСПЕРТИЗЫ ГУМАНИТАРНЫХ ПРАКТИК**

В.Г. Ланкин

Томский политехнический университет

E-mail: lankinvg@mail.ru

Ланкин Вадим Геннадьевич,
д-р филос. наук, профессор
кафедры культурологии и со-
циальной коммуникации гу-
манитарного факультета ТПУ.
E-mail: lankinvg@mail.ru
Область научных интересов:
феноменология сознания, фи-
лософия культуры, теория
коммуникаций.

Предложен вариант логики выведения критериев гуманитарной экспертизы инноваций на основе динамического понимания системы роста технологических возможностей и формирования целей и ценностей человеческой деятельности. В связи с этим центральное внимание уделяется оценке некоторых инновационных изменений в современном образовании как гуманитарной практике.

Ключевые слова:

Инновации, гуманитарная экспертиза, образование, ценности, целеполагания, модульный человек.

Двадцать первый век можно уверенно называть веком непрерывных инноваций. Но можно ли новое как таковое отождествить с лучшим как таковым? Эта тенденция придания абсолютного ценностного смысла модернизации в последней четверти XX в. и сегодня ослабела: не все, обновляющее жизнь, признается сегодня безусловным позитивным фактором. Инновации – как экономические, так и технические, а тем более инновации в области культуросозидательных практик – требуют оценки в аспекте тех изменений, которые окажет их внедрение на систему в целом, на данное конкретное общество, на человека как такового. Более того, современное общество нуждается в опережающей оценке инноваций – в выявлении векторов многих возможных изменений, которые они повлекут, заранее, до стадии их развернутого внедрения. Надо признать в этой связи, что многие процессы современной жизни свидетельствуют о том, что быстрый поток инноваций, те колоссальные силы и возможности, которые при этом обнаруживаются, общество не успевает взять под полноценный контроль. Одним из очевидных примеров такой ситуации может служить проблема загрязнения информационной среды, оказывающегося следствием бурного, чрезвычайно быстрого развития массовых коммуникаций, прежде всего за счет применения новейших СМИ, на которое общество просто не успевает адекватно отреагировать. Пожалуй, оно не успевает даже вполне осознать те тенденции, которые наблюдаются в этом плане, с тем, чтобы взвешенно реагировать на это. Изменение возможностей информационно-коммуникативных технологий сегодня превышает возможности контроля этих процессов со стороны общества в целом.

Одной из практик инновации в сфере, которой касаются смыслообразующей сердцевины человеческого бытия, является образование. Образование нельзя свести к передаче знаний и даже шире – к трансляции опыта культуры от поколения к поколению. Это система формирования способностей человека как личности. В этой системе закладываются культуротворческие способности человека – в этой системе не просто передается, но рождается смысл. Существенная инновация в этой сфере меняет нечто в самой сердцевине человеческого бытия. Конечно, инновации в образовании всегда инспирированы некоторым новым состоянием и потребностями жизни общества, но те изменения, к которым они могут привести, в свою очередь способны еще более существенно повлиять на общество и человека. Образование как гуманитарная практика, без сомнения, нуждается в выработке инструментов и критериев взвешенного анализа предпринимаемых инноваций. С одной стороны, образование – это технология, с другой стороны, это культура – в некотором смысле это технология формирования культуры. Как техноло-

гия (образовательная технология) оно, несомненно, подлежит инновационным изменениям; как гуманитарная и культурная практика оно нуждается в изучении возможных результатов этих изменений именно с позиций бытия человека и события сознания, опыт которого несет собой культура.

Тема социокультурной и гуманитарной экспертизы технологий и инноваций вообще для отечественной исследовательской мысли не нова. Публикации, посвященные ей, появляются довольно часто. В некоторых из них выделяется значимость, актуальность и смысл самого данного направления деятельности [1–5], в других – высказываются более конкретные соображения в отношении специфических сфер применения и методов [6–8]. При этом обсуждение данного вопроса наталкивается на ряд проблем. Основные из них – проблема субъекта экспертизы, проблема ее назначения и, соответственно, нацеленности. Но, на наш взгляд, ключевое значение имеет проблема критериев, которые можно было положить в основу проведения такой экспертизы. Что считать основанием для выделения характеристик отображаемых изменений, чем обосновывать их приемлемость, неприемлемость, рискованность или оптимальность? Согласимся, действительно, на любое новое явление можно посмотреть с разных сторон, пусть даже и со всех сторон, но считая одни из них главными, а другие второстепенными – и результат рассмотрения может оказаться совершенно разным. И это, как правило, зависит от интересов субъектов оценивания. Данное обстоятельство в реальной жизни обесценивает любой результат экспертизы в качестве общезначимого. Видимо поэтому-то о социально-гуманитарной экспертизе все еще и приходится говорить в основном в проектно-перспективных тонах, доказывая ее значимость для общества как таковую. Получить конкретный социальный заказ оказывается проблематично.

Заметим, проблема критериев – это многоаспектная методологическая проблема, в результате разрешения которой обосновываются и цели, и средства возможной экспертизы как таковой. Существует ряд работ, затрагивающих проблематику как раз такого порядка [9].

И мы поставим вопрос в методологическом ключе. Обратим внимание на то, как вообще возможна экспертная оценка инноваций. Новое можно соотносить с тем, что мы считаем должным, с неким эталоном. Но тогда мы невольно соотнесем новое со старым – вновь открывающееся со стереотипным. Такой подход может быть успешен только в том частном случае, когда этот стереотип, этот эталон представлял собой мечту о будущем. Тогда новое соизмеримо с имеющимся. Во всех же остальных случаях – нет. Новое способно задавать новые координаты, открывать новые горизонты, которые, возможно, нельзя будет измерить эталонными мерами, сложившимися до их открытия. Это особенно актуально тогда, когда дело касается обновления самого субъекта смыслообразования и целеполагания – человека. А ведь этого и касается дело инновационных трансформаций в образовании.

Посмотрим на это обстоятельство не со стороны эталонов, а со стороны трансформаций как таковых. Человек – это не «твердая» структура, это динамичная открытая система. Он постоянно взаимодействует с природой, и результаты этого взаимодействия таковы, что те или иные свойства природы, будучи познанными и преобразуемыми соответствующим образом, становятся частью деятельности человека – продолжением его способностей. То есть возникает мир техники. С другой стороны и человек встраивается одновременно в эти выделенные и организованные им природные процессы – процессы «второй природы», – его деятельность включается в их целесообразный порядок – деятельность человека организуется как технология. Это процесс взаимного приспособления, даже взаимопроникновения природных свойств и процессов, с одной стороны, и деятельностных сил человека, с другой стороны. Техника и технология – это факторы и результаты активного адаптивного процесса, процесса приспособления деятельностной системы человека и природы, осваиваемой таким образом им. Это неуклонный и активный процесс, преобразовательная составляющая которого сводится к тому, что природа все более вовлекается в мир человека, а человек, в свою очередь, в мир природы, образуя единую систему, подчиненную целям человека. Это по преимуществу согласование и взаимная адаптация, процесс, характеризующийся качеством симметрии; и только расширение сферы человеческой целесообразности всей системы вносит в этот процесс асимметрию. То же, что делает этот процесс в полном смысле преобразовательным, происходит особым образом

как бы за внутренней гранью его адаптационного механизма – это обретение самих целей человеческой деятельности, выводящих за рамки естественности. Это переосмысление натуральности, в рамках которого рождаются цели, неведомые ранее естественному человеку и не заданные внешними природными закономерностями, с которым ему приходится иметь дело. Переосмысление натуральности и выработка целей – это прерогатива культуры. Техника и технологии ответственны за средства, культура же – это сфера формирования целей.

Характер всего процесса, преобразующего взаимодействия человека с миром, таков, что эта открытая система постоянно пульсирует и раскачивается. Человек все время что-то получает от приспособительного взаимодействия с природой – обретает новые возможности, и его «заносит» в сторону их безоглядного использования. Он периодически что-то теряет, передавая «второй природе» свои собственные способности, каковые у него как бы отчасти «атрофируются» – и весь процесс от этого замедляется (возможно, даже вся система несколько «сжимается») из-за того, что техника отняла у человека нечто существенно-человеческое. Наконец, колеблется сама мотивационная «ось» всей системы – целевые векторы могут меняться: они, как это ни непривычно прозвучит, могут иметь больший или меньший уровень смысла, то есть могут быть направленными на обретение целостности более высокого порядка или же на включение связей более низкого, рассеивающего смысл порядка. Они могут быть более или менее переосмысляющими по отношению к естественности, могут оказаться конструктивно-сверхъестественными, а могут оказаться и противоестественными и, соответственно, деструктивными.

К такому роду пульсациям и раскачиванию можно свести, по сути, все проблемы и все риски инноваций, будь они в сфере технологии или же в области культуры. Кстати, образование как процесс формирования способностей нового поколения людей содержит в себе как смыслообразующее – культурную составляющую, так и технологически-оснащающую. Инновационные сдвиги рожают риски прессинга природной и социальной среды в связи с обретением новых невиданных технологических возможностей; они создают риски атрофии существенных человеческих способностей, втягивая человека в технологии, где уже не человек как субъект, а преобразованная природа играет главную роль; они могут менять сам вектор целей, отклонять мотивационную «ось», в том числе так, что это может приводить к деградации, «опрокидыванию» или «взрыву» всей системы.

Впрочем, система может расширяться и без опасных флуктуаций – развиваться гармонично. Однако, для этого необходима рефлексия – эту роль и призвана играть экспертиза инновационных изменений. В ее основе, таким образом, может лежать не соотношение нового с устойчивыми эталонами, равно как и не соотношение со сбивчивостью желаний, с изменчивым как мираж образом мечты человека и тем более с непредсказуемой и расплывчатой свободой его устремлений, но анализ последствий в аспекте баланса этой системы – системы осмысляющего преодоления человеком простой натуральности бытия.

Изучение инноваций в аспектах рисков первого типа – это функция экологической и социологической экспертизы. Регистрация же второго и третьего рода опасностей – задача экспертизы гуманитарной. Как изменятся собственные способности человека, как изменятся его смыслообразующие возможности и, соответственно, уровень конструктивности его целей – вот, что анализирует и оценивает такая экспертиза. Ее параметры должны регистрировать диапазон роста сокращения способностей человека. Ее параметры должны характеризовать уровень конструктивности целей, возникающих, провоцируемых у человека в результате введения инноваций. Прямо и непосредственно на изменение целей влияют социальные технологии, новации в развитии культуры, актуальные тренды в экономике, реформы системы образования; косвенно же – и все технические инновации, поскольку они вообще меняют конфигурацию возможностей человека и общества в целом.

Но прежде чем говорить о колебании «оси» какого-либо объекта, надо иметь ось координат – установить некую нулевую координату. Как же можно провести такую ось координат для столь многомерной системы как человек, человеческая деятельность? Если измерений этой реальности много, то и осей может быть много. Здесь методологическая проблема гуманитарной экспертизы прямо переходит в область антропологической проблематики. Что считать в феномене человека опорным, центральным, собственным, оригинальным и осевым, а что пери-

ферийным, возможно, производным, привходящим, околочеловеческим? Что является, собственно человеческим, а что «человеческими обстоятельствами»? В антропологическом дискурсе одного только XX столетия мы встретим полный набор вариантов, такого рода центрирующих моделей прочтения многомерности человеческой реальности.

Человек – это сознание или это, прежде всего бессознательное, способное породить проблески сознания? От ответа на этот вопрос зависит то, как мы будем понимать развитие социальных технологий, построенных на принципе привлечения человеческого внимания, провокации реакций, на принципе порождения желаний, то есть на основе воздействия на бессознательную и околосознательную сферу, эффективность которого определяется как раз тем, что оно происходит в обход сознания.

С другой стороны, человека можно пытаться интерпретировать как «совокупность общественных отношений», и тогда центр нормальной оси будет проходить уже не через самого человека, он будет фокусироваться в области тех новообразований, которые представляют собой системные социальные связи, в которые человек включен. Но если понимать общество как коллектив, как структуру взаимодействующих коллективов, порождаемую пересекающимися мотивами и интересами субъектов (в конечном счете, индивидов), тогда критериальная ось будет проходить через точку скрепления человека с обществом, точнее через его социальный интерес и (или) иные коммуникационно-интеграционные мотивы. Впрочем, и общество можно рассматривать либо в аспекте некоторого его нормативного состояния, либо как некое преодоление им самого себя.

В каком смысле человек – это мера вещей? В том ли, в каком человек остается таковым, при этом наращивая свое технологическое прорастание в мир вещей, приобретая новые свойства и одновременно «очеловечивая» мир? Или в том, что сама реальность человека может и должна измениться в связи с его включенностью во все расширяющийся ареал технически преобразованной природы, каковой окажется и сама человеческая природа? Некоторые сегодняшние рассуждения о «постчеловеке» скорее напоминают жанр фэнтези, нежели строго аргументированные научные тексты, но это рассуждение об «улучшенных» людях как о новом виде, о «конструировании человека» имеет как раз тот логический смысл, что само изменение может оказаться главным критерием изменений. И тогда, действительно, получается, что «все, что может представить человеческое сознание, может быть реализовано в той или иной степени» [10. С. 225]. Как видим, какой-либо критерий оценки здесь просто отсутствует, какие либо параметры экспертизы здесь просто неуместны. Критерий здесь – всевозможное как экстремум проективной свободы. Некоторые авторы прямо указывают на необходимость «признания абсолютного и внебытийного критерия – свободы и условий ее реализации» [11. С. 541].

О современном сдвиге в гуманитаристике пишут в ключе нового понимания личности: личность как проект. Понимание человека (постчеловека) как потенции, как представляется, это способ легитимации его исчезновения: если человек все больше предстает как проект возможного, то нарастание всевозможного вначале снимает характер проекта, а затем растворяет и качество человека. Вместо человека образуется некая «пустая» проективность, точнее проективность предельно рассеянная, которая и оказывается «постчеловеком». Можно ли это оставшееся считать личностью?

Еще одна дилемма: Человек – это, прежде всего, творец культуры и технологий или он, прежде всего, их продукт? Если, прежде всего, продукт и только отчасти, вторично, творец, то действительно, язык говорит человеком, им правят структуры, которые, так или иначе, не суть он сам. Если же человек, прежде всего, творец своего смыслового мира, в котором отражается и весь комплекс относительно бессмысленных вещей, то «мерой всех вещей» будет оставаться сам человек. От выбора такого рода подходов будет зависеть то, как мы будем рассматривать такие тенденции как нарастание социального технологизма в противовес развитию культуры как опыта осмысления, такие тенденции как нарастание манипулятивности в противовес апелляции к человеческому сознанию и к выявлению подлинных интересов людей. В одном случае они будут выглядеть как болезненные явления, в другом – как нормальные и даже как желательные векторы развития общества.

Словом, социально-антропологический дискурс современности с его противоречиями и плюральностью его линий образует главную проблему, стоящую на пути разработки критериев социально-гуманитарной экспертизы инноваций в сфере технологий, образования и культуры – критериев, которые бы основывались на определенном понимании идентичности человеческого.

Но можно ли говорить о выведении таких критериев хотя бы в какой-то проектно-логической плоскости? Представляется, что можно. Для этого надо ввести и применить принцип специфичности, на основе которого определялась бы идентичность человеческого существа и человеческой деятельности. Действие этого принципа означает, что сам человек – это, прежде всего, специфически-человеческое в нем. Все же прочее, включенно-связанное с ним, – это «человеческие обстоятельства», нечто «пара-человеческое», очень важное в качестве условий и факторов человеческого существования, но как раз подлежащее самым разнообразным изменениям, которые можно характеризовать и в индексах усиления (совершенствования) и в индексах ослабления (деградации). И только в том случае изменения можно квалифицировать по шкале совершенствования, когда та сердцевина специфически человеческого не распадается и не теряет своей осевой центрации, то есть развитие системы характеризуется устойчивостью. Когда, соответственно, можно отослать к тому кластеру атрибутивных свойств, относительно которых изменения системы однозначно предстанут либо как содействующие усилению ее устойчивости, либо как ведущие к потере системой устойчивого существования.

Итак, следуя этому принципу специфического собственно человеческого надо принять как нечто более высокое, эталонное в сопоставлении со «смешанно-человеческим». А именно, допустить: действительность человека выше, приоритетнее действительности социума, сколь бы ни выглядело общество более сложным и несоизмеримо масштабным и сильным, нежели человек. Феномен человека придает смысл обществу – это общество людей, хотя в нем и образуются важные системные эффекты и новообразования «надчеловеческого» характера. Все эти новообразования и эффекты не в состоянии заменить то, что может только человек, и не может общество как таковое – думать, переживать, образовывать смысл. «Общественное сознание» – это описательный концепт. Он имеет смысл, поскольку общество как система, конечно, выступает носителем человеческого сознания. Но, по сути, природа этого феномена – это природа коммуникаций между сознаниями людей. Общество в целом никогда не сможет ничего придумать, оно может только понять то, что было дано осознанию отдельных людей.

Надо также допустить, что бессознательно-витальное – это важные и необъемлемые, но все же «человеческие обстоятельства» в сопоставлении со специфической сердцевиной – человеческим сознанием, с человеческим переживанием как особой феноменальной структурой, к свойствам бессознательного не сводимой. Только такой критериальный шаг позволит отбраковывать тренды выпадения человека в витальные состояния недочеловека (животного в человеке), отбраковывать технологии, эффективно воздействующие на человека на уровне бессознательного в обход сознания.

Надо допустить, что человек совершеннее «постчеловека», и поэтому в качестве цели приоритетнее и выше, хотя последний и может быть сконструирован с целью улучшения человека, и действительно будет обладать многими полезными свойствами, которыми человек до этого не обладал. Согласно применяемой нами логике критериально-центрирующей специфичности «постчеловек» может только компенсировать нечто недостаточно-человеческое, свойственное нам в нашем сегодняшнем состоянии. Постчеловеческое не может превзойти человеческого в смысле замены этой специфической смыслообразующей целостности на что-то другое в качестве цели. «Реконструируемый» человек не может перейти в разряд технического объекта, и если такое вдруг предстанет возможным произойти, то это изменение надо отвергнуть как скрыто деструктивное. Человек как носитель сознания не может стать суммой социальных и культурных технологий, и если такое оказывается заметным, система гуманитарной экспертизы должна включать сигнальную сирену. Человек как средоточие смыслообразования не может расплыться на продуцирование «веера» означающих структур – виртуальных миров, из центра смысла целостности он не должен превратиться в «конус» возможностей, и если эта тенденция начнет превалировать, гуманитарная экспертиза должна регистрировать распад человеческого.

Каковы же тренды в образовании, нуждающиеся в применении данных критериев? Мы сконцентрируем внимание только на одной тенденции. Это тенденция распада целостного человека как объекта и цели образования. Она прямо соответствует тому явлению современной жизни, которое Э. Тоффлер характеризовал понятиями «модульный человек» и «поток ситуаций» [12. С. 45–110]. Прямым выражением этой тенденции является утверждающаяся сегодня модульная система образования (и соответствующий ей компетентностный подход). Суть этой трансформации – давать человеку набор умений, необходимых для той или иной конкретной деятельности, спектр которых он может расширять, получая второе и третье образование; смысл же деятельности, к которой он готовится, будет определяться меняющейся ситуацией в динамичном обществе. Заметим, человек, согласно данной концепции, перестает выступать в качестве центра смыслообразования – по сути, перестает выступать целостной личностью. Он не просто включается в социальный организм в качестве модульного человека, он и формируется как модульный человек.

Образование в этой парадигме снимает с себя миссию направленной координации оси ценностей и целей. Тезис о том, что человек не просто действует целесообразно, он сам ставит себе цели, указывает на способность человека ставить цели как на отличительную особенность его в сравнении со многими другими существами, действующими целесообразно, но лишенными такой способности. Но что будет, если как раз этой-то способности никто специально формировать не станет в надежде, что она сама спонтанно проявится? Это очень проблемный вопрос. Она действительно проявится спонтанно. *Во-первых*, она может проявиться не как сформированная способность, а как острая потребность, не находящая удовлетворения – как синдром дезориентации, ведущий за собой чувство бессмысленности существования. Дискурс свободы коварен: предлагая свободу как некую абстракцию, относящуюся к горизонту многих возможностей, он как бы оставляет свободное существо без конкретной способности применить эту свободу в том самом конкретном аспекте, который является центральным, в аспекте самого целеполагания. *Во-вторых*, спонтанность целеполагания может означать ее ситуативность. И здесь уже возникающая «цель» неотличима от случайного мотива, волеизъявление неотлично от эфемерного желания, и главное, оказывается, что условия ситуации способны влиять на эту свободу – случайность. Да, человек свободен в спонтанной ситуации, но контуры этой спонтанности, как это ни парадоксально звучит, можно отрегулировать, ведь *спонтанность* включает в себе странное сочетание свободы с естественностью – свобода – спонтанность это такое состояние человека, когда смыслообразующие силы сознания рассеяны, и неожиданное значение начинают играть реакции, просто и прямо вытекающие из данной ситуации в качестве естественной. Можно ли повлиять на свободу сознания человека? Нельзя. Но можно привлечь его внимание, спровоцировать естественный поток реакций в условиях «вакуума» сознания, то есть в условиях предельно расширенной свободы «без берегов». Сознание здесь не то что бы подавляется, оно рассеивается. И в этой ситуации, в конечном счете, и само сознание – этот оплот свободы, окажется в сети манипуляции.

Таков пробный результат применения предлагаемой здесь логики выведения критериев гуманитарной экспертизы. Тренд узкокомпетентностного подхода, по крайней мере, в том виде, как он просматривается сегодня, и на фоне тех социальных процессов, в контексте которых он развивается, выглядит рискованным: при оценке его на основе критерия персональности человека как смыслообразующей целостности он проигрывает в сравнении с гуманистической парадигмой, направленной на обретение способностей формирования целей, которая предстает главной функцией культуры.

Когда мы говорим о культуре как о системе (программе) формирования целей, не надо упрощать такое понимание до частного случая, когда некоторые конкретные цели жизни непосредственно внушаются культурой. Культура как система формирования целей в широком смысле – это не прямая заданность самих целей, и даже не жесткая очерченность ценностных горизонтов и иерархий, прежде всего. Это постоянный процесс образования смысла – опыт переосмысления естественного существования, в рамках которого обретаются и ценностные поля, и соответствующая соподчиненность целей и средств. Это дискурс, в структуре которого соотносятся смысловые величины и конкурируют сами способы смыслообразования. Дискурс – это

движение мысли, а не череда утверждений, к которой можно подвести, между прочим, более широкие и менее определенные понятия диалога или спора. Сфера смыслообразующего дискурса – это сфера философии культуры, культурологии, а не сфера той или иной культуры в ее самодостаточности. Но это, очевидно, и не сфера эгоцентрического сознания, рождающего смысл в вакууме неограниченных возможностей или «придающего смысл» бессмысленной россыпи окружающих вещей. Это не персонология свободного духа, это феноменологическая сосредоточенность осознания, осваивающая целостности бытия как данности. Это не воля полагания смысла, а скорее предчувствие и открывание его появления. Это, прежде всего чуткость духа, а не его вольность. Согласимся, современный мир явственно ощущает эту дилемму – ощущает ее как ключевую проблему гуманитарности, как проблему критерия человеческого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуманитарная экспертиза. Возможности и перспективы. сб. науч. тр. / Сиб. отд. РАН, Ин-т пробл. освоения Севера, Центр прикладной этики; Отв. ред. В.И. Бакштановский, Т.С. Караченцева; Новосибирск: Наука СО, 1992. 224 с.
2. Ашмарин И., Юдин Б. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. 1997. № 3. С. 76–86.
3. Панина Г.В. Социокультурная экспертиза как фактор развития техногенной цивилизации. // Сайт С.П.Курдюмова «Синергетика» / Центр «Стратегии динамического развития» [М., 2007] URL: spkurdyumov.narod.ru/panina.htm (дата обращения: 29.11.2011.)
4. Сафуанов Ф.С. Гуманитарная экспертология: актуальные проблемы и перспективы // Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности. / Под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. – С. 51–62.
5. Юдин Б.Г. Гуманитарная экспертиза как инструмент социальной политики // Информационно-исследовательский портал Московского гуманитарного университета, [М., 2009] URL: <http://www.hdirussia.ru/99> (дата обращения: 20.11.2011).
6. Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология. Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности. / Под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. – С. 10–29.
7. Иванченко Г.В., Леонтьев Д.А., Сафуанов Ф.С., Тульчинский Г.Л. К системной методологии комплексной гуманитарной экспертизы // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Методы психологии. / под ред. В.В. Новикова. Ярославль: МАПНБ, 2005. – С. 89–110.
8. Дерябина О.М. Гуманитарная экспертиза как механизм влияния. Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности. / Под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. – С. 89–113.
9. Тульчинский Г.Л. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы и гуманитарная экспертиза // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 413–414.
10. Чеснокова Т.Ю. Постчеловек – потери и приобретения. От неандертальца до киборга. – М.: Алгоритм, 2008. – 368 с.
11. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы // Я.А. Слинин и мы. К 70-летию профессора Я.А. Слинина. – СПб.: СПб философское общество (Серия «Мыслители»), 2002. – С. 528–555.
12. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. – 557 с.

Поступила 19.10.2011 г.